

«СОЗНАНИЕ, ТВОРЯЩЕЕ РЕАЛЬНОСТЬ». ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ СЛОВЕСНОГО ЛАБИРИНТА?

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор.
Южный Федеральный Университет.
Российская Федерация,
344006, г. Ростов-на-Дону,
Большая Садовая ул., 105;
e-mail: leshkevicht@mail.ru

Статья посвящена анализу книги Е.В. Золотухиной-Аболиной, обосновывающей доминирование потенциала сознания с учетом четырех аспектов. Во-первых, в фокусе оказывается избирательность внимания, участвующая в формировании действительности. Во-вторых, предметом анализа выступает человеческая реальность, сопрягающая подлинность и вымысел, присутствующий в самоописании, описании мотиваций чужого Я, в «видении прошлого». В-третьих, речь ведется о трудностях понимания сознания как субъективной реальности. В-четвертых, рассматриваются проблемы философского языка, различия академического и неакадемического дискурса. С опорой на труды Д. Канемана, У. Найссера, И. Гофмана, Дж. Келли, В. Налимова, С. Грофа, а также К. Уилбера, Х. Феррера обсуждается идея «избирательности внимания» как источника формирования реальности. При рассмотрении природы сознания сопоставляются естественнонаучная и гуманитарная парадигмы, которые дополняются эзотерической.

Ключевые слова: сознание, внимание, реальность, вымысел, язык, академический дискурс

«CONSCIOUSNESS CREATES REALITY». IS THERE A WAY OUT OF THE VERBAL LABYRINTH?

Tatiana G. Leshkevich – DSc in Philosophy, professor.
Southern Federal University,
105 Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don, 344-066,
Russian Federation;
e-mail: leshkevicht@mail.ru

The article provides an analysis of the book by E. V. Zolotukhina-Abolina, substantiating the dominance of the constitutive potential of consciousness. Firstly, it is the selectivity of attention involved in shaping reality. Secondly, the focus is shifted to human reality, conjugating authenticity and fiction found in self-descriptions, describing motivations of the other, “vision of the past”. Thirdly, difficulties of understanding the consciousness as subjective reality are discussed. Fourth, the problems of the philosophical language, the differences between academic and non-academic discourses come into view. The idea of “selectivity of attention” as the source of shaping reality is discussed with reference to works by D. Kaneman, U. Naisser, I. Hoffman, J. Kelly, V. Nalimov, S. Grof and also K. Uilber and H. Ferrer. While considering the nature of consciousness, the natural-scientific and humanitarian paradigms are complemented by esoteric.

Keywords: consciousness, attention, reality, fiction, language, academic discourse

Идея, заложенная в названии книги Е.В. Золотухиной-Аболиной «Сознание, творящее реальность», может показаться столь же претенциозной, сколь и хрестоматийной, уводящей к известному тезису о том, что сознание не только отражает, но и творит мир. По сути, автор ведет речь о субъективной реальности, при конституировании

которой важна роль внимания. Существование, по его мнению, также задается вниманием [Золотухина-Аболина, 2016, с. 31], но нуждается в языке, о нем внятно повествуящем. Виртуозно включая историко-философский материал, противопоставляя тоску по реальному, к чему нет доступа (Лакан), и реальность «не вынужденной нравственности», которая как возможность содержится в «вещи в себе» (Кант), автор радуется за тождество реальности и ее образа (а также и обыденной картины мира). При этом образ реальности – это «извлеченная реальность, а подвалы сознания и задние планы сознания гипотетичны и туманны». Они «становятся частью реальности (образом нашей реальности) только тогда, когда на них останавливается наконец луч внимания» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 8].

Спотыкаясь о вопрос: «Насколько же сознание создает окружающую нас действительность?» – автор с уверенностью утверждает, что адекватное восприятие мира предполагает достаточный уровень простоты и доверительности. И ничего, что методологи пытаются подступиться к невероятной сложности современного мира, а исследователи сознания твердят о сложно сплетенной сети переживаний и всегда присущей «скрытой сложности». Не имеет значение платформа геноцентризма, равно как и то, что когнитивная психология продвинулась от ранее существовавших представлений об упрощенных моделях обработки информации мозгом к сложной и богатой телесной глубине человеческого переживания и мышления; когнитивная лингвистика исследует телесные корни смысла, концептуализации и аргументации [Johnson, 2008, p. 161], а в процессе выработки и принятия решений участвуют все телесные сенсорные системы. Автора интересует версия реальности, которая зависит от «самого субъекта», он с легкостью обходится без исчерпывающих объяснений.

Итак, в первом разделе представленного труда акцент смещен на внимание: «Внимание-творец человеческого мира!»). Но где же, как говорится, «исходная клеточка», если у автора и сознание творит реальность, и внимание – творец человеческого мира? Может быть, к

основным положениям следует отнести идею, гласящую: «Избирательность внимания – источник формирования реальности» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 8]. Но тогда контуры реальности определяются действием, балансирующим в амплитуде «замечать или не замечать». Вместе с тем проблема качественного выбора всегда была связана с самореализацией, с идеей «самовоплощенного существования» человека, представляла великой смысложизненной задачей [Лешкевич, 2014]. И если, ссылаясь на Д. Канемана, внимание связывается с селекцией поступающих впечатлений, с функцией контроля над собственным поведением и интеграцией интенсивного и селективного [Канеман, 2006], а с использованием вывода У. Джемса из «Психологии» 1911 г. еще и со свободой воли. Авторское скольжение по поверхности темы выливается в расширительный вывод: «внимание, понятое как выбор и устремленность, тесно связано с другими характеристиками человеческого внутреннего мира – интересом, смыслом, волей [Золотухина-Аболина, 2016, с. 12]. Далее со ссылкой на У. Найссера упоминаются также и установки, и стереотипы, и схемы, благодаря которым мы строим для себя мир [Найссер, 1981]. Но мы вылавливаем из фона действительности то, что жизненно важно, – уверенно заключает автор [Золотухина-Аболина, 2016, с. 15]. А следовательно, потребность и нужда становятся предельными основаниями выбора, и внимания, и сознания. Таким образом, тривиально, но системосозидающей оказывается потребность – вспомним Маркса!

Выигрышно смотрится модель внимания как «бутылочного горлышка» или «фильтра предпочтений» [Налимов, 1989], – такой прием всегда делает философию привлекательной. Интересна ресурсная модель внимания, предполагающая направление энергии в определенный канал. Однако остается непонятным: внимание избирает или оно само регулируется субъективным усилием? Пользуясь инструментом, предложенным автором, этот неудобный вопрос можно и не замечать, не направлять на него «луч внимания», тем самым исключив его из формирующейся реальности. А вывод, что возможности распределять внимание – одна из практических проблем психологии, можно понять и так, что практический психолог должен обучить индивида не замечать травмирующие его психику эпизоды.

Как ни трактуй, но приводимое автором сравнение выдает его с головой. «Когда мы говорим о создании реальности вниманием, – поясняет автор, – то этот процесс, скорее похож на удаление скульптором лишнего камня, из которого должна появиться скульптура. То есть сначала нужен камень, нужна действительность как поток впечатлений на всех уровнях, и лишь в этом потоке, направляя свое внимание, мы усмотрим все фигуры нашей реальности – социальной и индивидуальной» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 14]. В этом контексте понятна и симпатия автора к суждениям о том, что наше вни-

мание соответствует заранее данным образцам, клише или фреймам (И. Гофман); это означает установление границ, отделяющих замечаемые нами жизненные моменты от незамеченных, неважных, незначительных. И все же позиция, согласно которой заранее данные образцы, клише или фреймы устанавливают границы нашего внимания, с очевидностью противоречит первоначальному намерению автора сделать внимание конституирующим мир. Более того, клише, стереотипы и фреймы свидетельствуют о прячущемся в иные одеяния принципе социокультурной детерминации! И действительно, автор и далее подчеркивает, что индивидуальная работа внимания опирается на коллективный опыт, кристаллизованный в стереотипах, нормах, ценностях, правилах реагирования [Золотухина-Аболина, 2016, с. 20] и упоминает «социокультурные карты внимания» конкретных народов, созданные в рамках определенных эпох.

А вот когда вопрос: «Так от чего же зависят индивидуально создаваемые «поля внимания?»», ставится ребром, текст подводит читателя к голограмме. Смело соотнося квантовый мир и дуальность микрочастицы с фактором, называемым «лучом внимания», автор бросает вызов сциентистской парадигме. Влияние направленной мысли поддерживается общезначимым положением о сознании, как из тех же атомов и электронов состоящем... Но как же соотносить традиционный подход социокультурной детерминации с резким выводом автора, выделенным жирным шрифтом: «для человека актуально существует лишь то, что замечено» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 31]. Далее от того, что замечено, по мнению автора, надобно двигаться в направлении, чтобы другие согласились с тем, что замечено. И, наконец, необходимо, чтобы другие это также истолковали, т. е. согласились с истолкованием того, что именно существует и признали это существующим. Такова концепция автора. Она содержит ряд явных нестыковок. Так, заявляя, что объект внимания – это открытая возможность, автор тут же идет на попятную, подчеркивая, что объекты эти в массе заранее определены обществом и культурой. Логичнее было бы тогда оперировать понятием «диалектическая взаимосвязь» и в духе прежней парадигмы рассматривать диалектику индивидуального и коллективного, спонтанного и институционального, внешнего и внутреннего. Именно это предположение согласуется со следующим выводом: «... и в культуре, и в психофизическом бытии человека внутренние и внешние объекты, существующие в “различных регионах бытия”, на самом деле активно взаимодействуют, порой, неумело переходя друг в друга» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 38].

Раздел, в котором внимание претендует на сотворение пространства, мог бы испугать своим онтологическим размахом, если бы не уточнение, что внимание участвует в формировании образов пространства, и опять-таки сообразно миру культуры. Конечно же, ав-

тора интересует не объективность пространства, а феномен его восприятия, в этом ключе затрагивается и тема границы, и структура центра и периферии. Автор и здесь рефреном проводит свою основную мысль: «если же из того или иного пространства исходят активные деятельные интенции, но они никем не замечены, то и центра как бы не существует...» и далее, когда внимание ослабевает, центр перестает притягивать интерес, и становится периферией. Упорство автора конфликтует не только с тривиальным представлением о том, что фундаментальные качества бытия не зависят от капризов и спонтанности чьего-либо сознания, но и с приводимыми им же примерами, работающими на онтологическую первичность и пространства, и времени, и структуры центра-периферии. Так, можно найти снисходительную ссылку, что «материальный мир дает столь мощные сигналы извне, что они властно побуждают нас заниматься активной дифференциацией идущих снаружи впечатлений» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 63]. Мистический мир также порождается вниманием к нему. И если «пространства» образуют устойчивые паттерны переживаний, сопровождаемых образными картинками, то «это, как считает автор, всегда проблема самообуздания, самопринуждения, саморазвития и само строительства» [Золотухина-Аболина, 2016, с. 65]. Образ времени также оказывается результатом внимания.

Второй раздел «Человеческая реальность: подлинное, иллюзорное, скрытое» обнаруживает еще один авторский методологический инструмент, а именно конвенциональную установку. Отличие вымышленного от реального указывает на описание ситуации с оценочной позиции. Вымысел проскакивает и в самоописании, предлагающем некое «видение прошлого», и в «свете проекта», и при описании мотиваций чужого Я, вымысел помещен и на пути от образа к языку, и в самой субъективности нашего выбора. Автор уверен, бессмысленно говорить о Реальности вне субъектности с ее неизбежными символическими формами [Золотухина-Аболина, 2016, с. 107]. Третий раздел, озаглавленный «Реальность сознания: трудности понимания», фиксирует сосуществование естественнонаучной парадигмы, опирающейся на внешний опыт, и гуманитарной, опирающейся на опыт внутреннего. «Естественнонаучное познание сознания имеет очевидный предел», а в рамках гуманитарного подхода сознание нефизично по своей природе, это некая совокупность смыслов [Золотухина-Аболина, 2016, с. 131]. Автор увлечен попытками присоединить к названным парадигмам мистико-эзотерическую, где в противоположность редукции сознания к материи осуществляется поглощение материи сознанием. Высоко ценя выводы С. Грофа, указывающего на холотропные переживания; а также идеи В. Налимова со свернутым семантическим универсумом, автор в качестве третьей значимой фигуры выбирает мистика Кена Уиллера с его попыткой интегрального видения, простирающегося к сферам тон-

ких и недвойственных состояний сознания [Уилбер, 2002]. Впрочем, из откровений автора мы узнаем, что огромный интерес представляет книга Хорхе Фермена «Новый взгляд на трансперсональную теорию», в которой развивается точка зрения соучастия и критикуется субъектно-объектная оппозиция [Феррер, 2004, с. 71]. Но автор против ликвидации субъектно-объектного отношения, как бы поименовано оно ни было. Даже в измененных состояниях сознания мы можем увидеть сохранение моментов «субъектно-объектной структуры». «Субъект-объектное отношение атрибутивно», заявляет автор [Золотухина-Аболина, 2016, с. 162], как бы и позабыв о начале книги с настоятельным утверждением, что именно внимание творит мир.

Возвращаясь к названию и вопрошая, так что же представляет собой сознание, творящее мир, можно обнаружить следующую конкретизацию. Сознание есть взгляд – «наблюдатель», луч внимания, направленный на «мир» (1). Сознание неизбежно рефлексивно (2). Сознание с необходимостью имеет различающий характер (3) [Золотухина-Аболина, 2016, с. 157]. Но, несмотря на выделенные три пункта, читатель теряется в догадках. Не спасает и утверждение, что Я-внутреннего мира, неустранимый стержень субъективной реальности. А утверждению о рефлексивности сознания противоречит заявление, что внутренний диалог происходит в значительной степени во внерациональных формах [Золотухина-Аболина, 2016, с. 175]. Завершается опус разговором о проблемах философского языка, где автор пускается в сравнения Г. Ханта и А. Дугина, уходит в различение академической и неакадемической философии и признается, что его симпатия принадлежит эссеистской свободе [Золотухина-Аболина, 2016, с. 192]. Но поскольку из словесного лабиринта выхода нет, автор уверен, что надо возродить жанр популярной философии. Этим и испрашивается индульгенция представленному тексту!

Автору хочется живого опыта, конституирования реальности без конструкций, и к *преимуществам* работы следует отнести сопряжение философского и психологического подходов, смелость суждений и свободную трактовку сложнейших философских обертонов. Однако читателю в попытках проникнуть в суть написанного надобно квалифицировать, является ли сей труд научным или ознакомительно-публицистическим? Справедливости ради отметим, что сам автор не присваивает ему статус научного издания. Тем не менее нелишне обратить внимание на уже утвердившийся в академическом сообществе порядок организации материала, где, помимо указания на имена тех, кто этим вопросом занимался, должна присутствовать методология, развернутое решение содержательных задач, убедительные выводы, полученные в ходе размышлений и не менее содержательные заключения. Вряд ли можно согласиться, что в качестве выводов пойдет фраза, что «тема велика и обширна» и связана с темой забвения, па-

мяти, припоминания, открытия и творчества [Золотухина-Аболина, 2016, с. 52]. Проблемой оказываются и внутренние установки автора, что же им руководит: безотчетная преданность принципу социокультурной обусловленности, свидетельства о которой уж слишком часты, или интригующее плутание в новациях и лабиринте разномастной литературы, во многом оригинальной и свободной от ограничений, налагаемых критериями научности. Научный подход, безусловно, репрессивен, он повязан стремлением найти каузальность, причинные связи и обоснования, а не просто вольно и бегло описать, перемещаясь от одного фрагмента к другому. Необходимо исследовать явление, вскрыть его причины, системосозидающие связи и зависимости.

Что же усмотреть в представленном труде? Распространение моды на философско-психотерапевтические рассуждения или ... поспешность обнародовать увлекающий автора материал? А может, это стихийно найденный путь стремящегося к выживанию современного философствования, обнажающего симптомы его увечья? Предложенное название не может не сместить фокус внимания в сторону эзотерической литературы, упоминаний о которой предостаточно. Вместе с тем, следуя веяниям времени, можно предположить, что это *жанр психофилософии с использованием занимательной эзотерики*. Книга не отталкивает трудно постижимыми конструкциями, напротив, легкий и образный стиль делает ее привлекательной и расширяющей кругозор. Здесь и упоминание о книге П. Вацлавика «Как стать несчастным без посторонней помощи» с акцентом на выработанные личностью штампы нереклексивного «наивного эгоцентризма», и отнесение их (штампов интерпретаций), но уже другим автором – Дж. Келли к эмоциональной оценке реальности. Есть и ссылка на фольклор: «Каждый смотрит со своей колокольни!». На страницах книги мы встретимся с советом сосредоточиться на «здесь и сейчас», соблазнимся упоминанием о практиках, обогащающих реальность, вспомним, что актуальная реальность – это всегда эмоциональная реальность, и поймем, что внимание – это путь к просветлению и величайшей степени ясности! Мы и не заметим, как согласимся с автором, что пренебрежение и высокомерие практически осуществляют экзистенциально-онтологическую смерть: существующий человек радикально вычеркивается из круга внимания. Удачными представляются зарисовки, связанные с пониманием Я, здесь эрудиция и писательская одаренность автора заслуживают всяческих похвал. Радует и то, что автору не отказывает чувство реальности и он предупреждает, что «субъект внимания не обладает полной свободой «импровизации реальности», но частично свободой ее восприятия – полагания [Золотухина-Аболина, 2016, с. 35]. Текст динамичен и увлекателен, а некоторые литературные зарисовки просто блестящи. Главное преимущество книги – легкий и скользящий литературный стиль, это весьма достойный повод, чтобы почитать книгу, коллеги!

